

ПОНЯТИЯ «ЗЕМЛЯ» И «МИР» В «ИСТОКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЕНИЯ» ХАЙДЕГГЕРА*

Е. Ю. Талалаева

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 25 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются представления Мартина Хайдеггера о мире и его соотношении с языком в поздний период философствования. Автором отмечается особая актуальность обращения к поэтическому языку как сущности любого вида искусства при исследовании феномена истины, раскрытие которой является целью бытийствования мира. В работе обосновывается тезис, согласно которому поэзия служит языком в его чистом виде, а также анализируется ее значимость как ключевого компонента раскрытия истины.

Ключевые слова: Хайдеггер, земля и мир, поэзия, *Dasein*, истина.

Abstract: the paper analyses Martin Heidegger's ideas about the world and its relationship with language in the later period of philosophizing. The author highlights the special relevance of poetic language as the essence of an art in the study of the disclosure of truth that is the goal of the being of the world. The research substantiates the thesis according to which poetry is a language in its pure form and a key component of the disclosure of truth.

Key words: Heidegger, earth and the world, poetry, *Dasein*, truth.

Выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер посвятил свои философские искания *вопросанию* о бытии и осмыслению проблемы его соотношения с языком. Однако на различных этапах философствования немецкий мыслитель по-разному отвечал на поставленный вопрос. Если в ранний период творчества Хайдеггер акцентировал свое внимание на определении *смысла* бытия посредством анализа *бытия-в-мире* как ключевого экзистенциала *Dasein*'а, то после *поворота* в своем философствовании он предлагает иное видение прежних аспектов своей исследовательской деятельности. «Поздний» Хайдеггер не только вводит новые термины в свои философские сочинения, но и переосмысливает понятия, рассматриваемые в «Бытии и времени» (1927). Так, категория *мир* более не рассматривается через призму человеческого *бытия-в-мире* как структурный компонент *Dasein*'а, более того, понимание этого феномена начинает обретать новый дуалистический характер через взаимосвязь *мира* и *земли*. Единство этих двух компонентов по-прежнему осуществляется в контексте человеческого бытия-в-мире, однако, начиная со

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-ОГОН в рамках научного проекта № 17-33-01099 «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.».

своего сочинения «Исток художественного творения» (1935), Хайдеггер принципиально по-новому обосновывает соотношение между человеком, языком миром. Под последним понимается не совокупность сущностей или идей, но *непредметный мир искусства*, где мир *бытийствует* (*мирует*). Целью такого *бытийствования* является раскрытие *истины*. *Истину* возможно установить во многом благодаря произведению искусства, сущность которого, согласно Хайдеггеру, заключается в поэзии.

В своих рассуждениях о *мире* в «Истоке художественного творения», Хайдеггер, прежде всего, описывает рассматриваемый феномен не просто как «скопление наличествующих счетных и несчетных, знакомых и незнакомых вещей» [1, с. 143]. В то же время «мир – это и не воображаемая рамка, добавляемая к сумме всего наличествующего. *Мир бытийствует*, и в своем бытийствовании он бытийнее всего того осязаемого и внятного, что мы принимаем за родное себе» [там же]. По сути, после поворота в своем философствовании немецкий мыслитель повторяет высказанную ранее в «Бытии и времени» мысль о том, что ни онтическое представление о мире как о совокупности всех внутримирных сущих, ни онтологическое понятие *мира* как оболочки всего наличествующего внутри него не способны раскрыть смысл данного феномена. Тем не менее, если в «Бытии и времени» ключом к разгадке самого феномена мира Хайдеггер представлял *мирность* мира, то теперь он заменяет это понятие идеей, согласно которой мир «бытийствует» или же мир *мирует* (*Welt weltet*). Согласно Хайдеггеру, мир является тем, что «никогда не бывает предметом, который стоит перед нами, который мы можем созерцать» [там же]. Скорее, *мир* для него «есть то непредметное, чему мы подвластны, доколе круговращения рождения и смерти, благословения и проклятия отторгают нас вовнутрь бытия. Где выносятся сущностные решения нашего исторического совершения, где мы следуем или перестаем следовать им, где мы не осознаем их и вновь их испрашиваем – везде, всюду бытийствует мир» [там же]. Впрочем, такое определение *мира*, равно как и ранние представления Хайдеггера, непосредственно апеллируют к *Dasein*’у как *бытию-в-мире*. В словаре М. Инвуда, обобщающем замысловатый категориальный аппарат немецкого философа и разъясняющем специфические значения отдельных понятий, отмечается, что: «*Dasein*, как человеческое бытие, по сути пребывает в мире, равно как и наоборот, мир – в отличие от совокупности сущностей – по существу располагает *Dasein*’ом в себе» [2, с. 246]. Из этого мы можем вывести следствие, что определение *мира* происходит из того факта, что в нем пребывает бытие *Dasein*’а. В своей диссертации профессор Витватерсрандского университета Д. Гриффитс пишет, что «произведенные человеком объекты, которые окружают нас, наша история, наша деятельность и возможности, по факту, все, что имеет отношение к тому, что мы делаем, определяет мир» [3, с. 46]. Это наводит нас на мысль, согласно которой *мир* существует только благодаря существованию *Dasein*’а. Однако для позднего Хайдеггера представление о *мире* возможно анализировать лишь в его соотношении с понятием *земля*.

Категория «земля» отсутствует в концептуальной системе «Бытия и времени», тем не менее она в качестве ведущей роли предстает в контексте позднего философствования Хайдеггера. В середине 1930-х гг. под влиянием поэзии Гельдерлина и негативной реакции на воцарение эры технологии, Хайдеггер вводит понятие *земли* в качестве оборотной стороны *мира*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что он противопоставляет *мир* и *землю* друг другу. Однако Хайдеггер пишет: «Мир и земля сущностно отличны друг от друга и, однако, никогда не разделены. Мир основывает себя на земле, а земля пронизывает мир» [1, с. 153]. Следовательно, несмотря на очевидное противопоставление, Хайдеггер указывает на их глубокую взаимосвязь: «Сопряженность мира и земли отнюдь не прозябает в пустом единстве противоположностей, которым нет дела друг до друга. Мир, возлежа на земле, стремится вывести, возвысить ее над ее пределами. Как мир разверзающийся, он не терпит ничего затворенного. А земля, будучи землей укрывающей, склонна к тому, чтобы вбирать в себя и удерживать в себе мир» [там же]. Несмотря на то что эти два понятия противопоставляются, все же «земля и мир нуждаются друг в друге. Мир покоится на земле и использует земное сырье. Земля раскрывается как земля в мире» [2, с. 50].

Если переосмыслить слова Хайдеггера, то можно представить положение дел, согласно которому на *земле* физически основывается естественная среда обитания человека, и именно на ней *Dasein* может создать *мир*. Кроме того, как отмечено в словаре Инвуда, *земля* используется человеком как некая данность. В данной связи Хайдеггер высказывается следующим образом: «На земле и в земле основывает человек в его историческом совершении свое жительство и свой кров в этом мире» [1, с. 147]. Тем не менее *земля* существует вне зависимости от человеческого бытия на ней. Мы приходим к выводу, что *земля* бытийствует сама по себе и сокрыта от человека, потому что он живет в *мире*. Хайдеггер пишет: «Земля есть земля, труждающаяся без труда, ни к чему не испытывающая напора» [там же]. Таким образом, сокрытость земли от человека обусловлена ее сущностными характеристиками: «Земля есть земля сущностно замыкающаяся» [там же, с. 149]. Однако философ указывает на способ, при помощи которого человек может повлиять на самозамкнутость *земли*, раскрыв ее. В этой роли, согласно Хайдеггеру, выступает *творение*. Он представляет *творение* как способ *восстановить* мир и *составить* землю. «Бытию творения принадлежит восстановление мира. <...> Творение восстанавливает свой мир и составляет землю» [там же, с. 147]. Понятия *восстановление* и *составление* напрямую связаны с изготовлением человеком *изделий* (*das Zeug*). Так, материал для *изделия* берется от земли, и впоследствии *изделие* восстанавливает свой мир – приобретает те качества, которые человек вкладывает в этот род *изделия*. Для Хайдеггера, *изделие* является тем моментом, в котором земля и мир соприкасаются друг с другом.

Возможно, наиболее удачно это можно проиллюстрировать на примере пары ботинок крестьянки, изображенных на знаменитой карти-

не Ван Гога. Как писал Хайдеггер: «Для их описания нам не требуется даже, чтобы перед нами лежали действительные образцы этого находящегося в обиходе изделия» [там же, с. 115]. Для того чтобы в данном контексте понять, как изделие может совместить в себе *мир* и *землю*, Хайдеггер вводит понятие *сущности* изделия, которое он именует как *дельность* (*Zeugsein*). При этом он отмечает: «Дельность изделия – в его служебности» [там же]. Именно служебность позволяет сущности крестьянских ботинок раскрыть себя. Однако здесь же философ указывает: «Дельность изделия, хотя и состоит в его служебности, но сама служебность покоится в полноте существенного бытия изделия. Мы это бытие именуем надежностью» [там же, с. 119]. Так, *надежность* используемого крестьянкой изделия позволяет ей одновременно пребывать в *мире* и на *земле*. Здесь справедливо было бы отметить, что сама крестьянка вряд ли задумывается над сущностной значимостью своих ботинок, вероятнее всего, она их просто носит. Исходя из того, что *изделие* способен изготовить только человек, можно сделать вывод, что лишь он имеет возможность пребывать в *мире*, как его представляет Хайдеггер.

Но для того чтобы понять каким образом происходит подобная взаимосвязь *мира* и *земли*, необходимо более подробно исследовать понятие *дельности*, а также проанализировать в рассматриваемом контексте роль произведения искусства как художественного творения. Хайдеггер пишет, что мы обрели *дельность изделия*, иными словами, его сущность. Однако следом он ставит вопрос: «Но как мы обрели ее?» [там же, с. 121]. По факту, не мы изготовили рассматриваемую пару обуви, мы даже не провели рабочий день с крестьянкой, чтобы узнать, как служит ей это *изделие* (ботинки) при работах в поле. Хайдеггер утверждает: «Мы обрели эту дельность изделия, оказавшись перед картиной Ван Гога. И картина сказала свое слово. Оказавшись близ творения, мы внезапно побывали в ином месте, не там, где находимся обычно. Благодаря художественному творению мы извели, что такое по истине это изделие, башмаки» [там же]. Согласно идее Хайдеггера, ознакомление с картиной Ван Гога как художественным произведением позволило нам через него воспринять истинную сущность (*дельность*) *изделия* – пары крестьянских ботинок. В этом контексте он пишет: «Картина Ван Гога есть раскрытие, растворение того, что поистине есть это изделие, крестьянские башмаки. Сущее вступает в несокрытость своего бытия» [там же, с. 124]. Здесь Хайдеггер апеллирует к греческому слову ἀλήθεια – «несокрытость». Таким образом, мы приходим к выводу, что художественное произведение позволяет существу изделия стать несокрытым. Самым простым определением слова ἀλήθεια считается «истина», которая, согласно идее Хайдеггера, также представляет собой несокрытость или непотаенность. Однако рассматривая древнегреческое слово ἀλήθεια в контексте современного мышления, мы оказываемся не способны приблизиться к пониманию того, в чем заключается «истина». Подобная ситуация стала результатом того, что повседневный обыденный язык не в состоянии самостоятельно передать заложенный в понятие оригинальный смысл. Мы приходим

к выводу, что именно поэтому Хайдеггер прибегает к использованию произведения искусства как ключа, ведущему нас к раскрытию *истины*, как ее понимали древние греки. Это способ, посредством которого произведение искусства может приблизить нас к раскрытию сущности вещи. В «Истоке художественного творения отмечается, что сущность искусства Хайдеггер вкладывал в понятие *поэзии*. При этом важно отметить, что к поэзии Хайдеггер относил и искусство в целом, отмечая, что «существом поэзии пронизано всякое искусство» [4, с. 238]. В поэзии отображается не персональный жизненный опыт человека, но сам язык как он есть [5, с. 194]. Как отмечает ведущий британский теолог и философ Дж. Паттисон, «в действительности в стихотворении [роем] говорит язык, а не своевольная личность поэта» [6, с. 169]. Следовательно, именно поэтический язык, который Хайдеггер представил в своих трудах как язык в чистом виде, способен приблизить нас к установлению *истины*. Немецкий мыслитель исходил из того, что поэзия заключает в себе способность показывать в поэме невыразимое как таковое, подобно тому, как словами обыденного языка можно выразить те вещи и явления, что изначально происходят или расположены в фактуальном мире. Таким образом, как сущностное именование поэзия способна высказывать то, что невыразимо обыденным языком. Философ полагал, что именно благодаря поэзии человек становится способным соприкоснуться с трансцендентным, приблизиться к миру мистического, приоткрыть завесу тайны, покрывающей истину. Именно установление истины посредством ее раскрытия в языке Хайдеггер определил как сущность поэзии.

В философии позднего Хайдеггера представление о *мире* неразрывно связано с понятием *земли*. Являясь оборотными сторонами единого феномена, *земля* и *мир* глубоко взаимосвязаны между собой и *бытийствуют* всегда в контексте человеческого бытия. Так, человек обретает свое существование в мире и на земле. *Мир* и *земля* соприкасаются друг с другом в *изделии*, созданном рукой человека из земного сырья. Посредством *творения* изделия человек *восстанавливает* свой мир и *составляет* землю. Истинная сущность (*дельность*) *изделия* может быть раскрыта при помощи художественного творения как произведения искусства. Именно искусство ведет к раскрытию истины, что вернее всего происходит через поэзию. В философии немецкого мыслителя поэтический язык представлен как язык в чистом виде, так как именно он способен выразить то, что невозможно осуществить средствами обыденного повседневного языка и приблизить человека к раскрытию истины.

Литература

1. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. : Академ. проект, 2008. – 528 с.
2. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Blackwell Philosopher Dictionaries / M. Inwood. – N. Y. : Wiley, 1999. – 300 p.

3. *Griffiths D. H.* On the uses and advantages of poetry for life. Reading between Heidegger and Eliot. Dissertation / D. H. Griffiths. – Pretoria : University of Pretoria, 2006. – 137 p.

4. *Хайдеггер М.* Время и Бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

5. *Heidegger M.* Poetry, Language, Thought / M. Heidegger. – N. Y. : Harper Collins, 2001. – 256 p.

6. *Pattison G.* Routledge Philosophy Guidebook to the Later Heidegger / G. Pattison. – Abingdon-on-Thames : Routledge, 2013. – 256 p.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Талалаева Е. Ю., аспирант кафедры философии и методологии науки

E-mail: kater-.ina@mail.ru

Тел.: 8 (920) 475-71-84

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Talalaeva E. Yu., Post-graduate Student of the Philosophy and Methodology Department

E-mail: kater-.ina@mail.ru

Tel.: 8 (920) 475-71-84

Е. Ю. Талалаева. Понятия «земля» и «мир» в «Источке...» Хайдеггера